

К предстоящим праздникам город был украшен на славу — выложенные яркими цветами композиции изумительно смотрелись на ярко-зеленых лужайках, приятно контрастируя с обыденной серостью закопанного в асфальт города. А свежий весенний ветерок, ясное голубое небо с редкими облачками и пригревающее уже совсем по-летнему солнышко просто идеально дополняли общую атмосферу предстоящих выходных.

На тротуарах разгуливали все те счастливики, кто уже успел вынырнуть из унылости трудовых будней и с предвкушением бежал готовиться к долгому празднованию, либо просто наслаждался первыми часами заслуженного отдыха. В подобное время людей было множество и в центре, и на окраинах, в магазинах и на детских площадках, но было и немало тех, кто целенаправленно отправился к памятникам, чтобы сфотографироваться на фоне цветочных композиций, пока они еще в полной целостности.

Несколько мальчуганов громко спорили, обсуждая, кто на какое место встанет возле постамента, пока их молодая мама с улыбкой пыталась поймать неутомных ребят в объектив фотокамеры; маленькая девчонка рядом с недоумением смотрела на все это ребячество и, демонстративно хмыкая, заняла самое лучшее по ее мнению место на небольшом возвышении неподалеку. Похожие забавные проблемы были и у других семей, а чуть поодаль собралась даже целая толпа школьников, по чьим страдальческим лицам можно было легко заметить, что они думают о всей этой поездке в ближайший музей всем классом, особенно не в учебное время, а после сокращенных занятий.

-Мам-мам, мне кажется, что танк сейчас шевельнулся! — горящими от удивления и восторга глазами воскликнул мальчуган, беззастенчиво тыкая пальцами в гордую боевую машину, щеголяющую свежей краской — классика, известная всем мало-мальски знакомым с историей, даже из тех, кто не увлекался военной техникой. «Тридцатьчетверка» с раскрашенными белыми катками и поблескивающими на солнце бронированными изгибами даже спустя десятки лет казалась мощной и грозной машиной, внушая трепет и гордость в сердца мелких мальчуганов, поэтому мама лишь улыбнулась на слова сына.

— Павлик, это все-таки памятник, танк больше никуда не поедет, его специально здесь оставили, чтобы ты мог полюбоваться, — терпеливо и ласково объяснила женщина, ковыряясь в смартфоне, но мальчуган не унимался.

-Нет же! Мам-мам, ну посмотри!

Вздыхнув, слегка раздраженная женщина подняла взгляд и, немного прищурившись, удивленно приподняла одну бровь. Да, пушка вроде бы раньше была направлена ровненько... Или ей показалось? Ради интереса вновь обратившись к смартфону в поисках старой фотографии памятника, мамочка резко обернулась на раздавшийся совсем рядом шум — с визгом тормозов и жутким грохотом инкассаторский микроавтобус снес остановку и врезался в ближайший дом, перевернувшись, а следом над улицей разнеслась пугающая трель из десятков одинаковых ухающих звуков. Кто-то завизжал, стали раздаваться болезненные стоны и крики о помощи, пока те, кто не запаниковал и не попал под машину, бросились к пострадавшим, а из броневика тем временем стал подниматься темно-серый, неестественно густой дым.

Павлик, сразу же спрятавшийся позади мамы, смотрел широко раскрытыми от удивления и ужаса глазами на тела людей, лежащие в неестественных позах совсем недалеко, но боковым зрением мальчуган отвлекся на дымящуюся машину. Стекло словно бы исчезло, когда раздался очередной гулкой звук, столь низкий, что от него даже внутренности начинали мелко вибрировать — из кабины показалось изуродованное аварией тело инкассатора, отчего паренек даже испуганно пискнул, стиснув руку побледневшей мамы.

— З-зомби! — еле слышно прошептал Павлик; но нет, также как и появился, труп тут же с неприятным звуком шлепнулся внутрь машины, а вот держащийся на нем до этого за счет ремня укороченный автомат Калашникова остался висеть в воздухе. Раздался щелчок, удивительно слышимый на фоне неутраченных стонов и криков паники, а затем из дула оружия полетели серые сгустки, испепеляя попавших под удар людей.

Закричав от страха, паренек потянул замершую от ужаса маму на землю, и тогда, словно бы всего этого было мало, над улицей раздался оглушительный рев мотора. Недвижимый десятки лет танк озарился тусклым серым свечением, после чего двигатель вновь взревел, и тяжелая машина сорвалась со своего постамент, подминая под себя зевак и наматывая их на гусеницы; за бронированной машиной остались лишь алые следы на отмытой к праздникам плитке, да кровавые ошметки, лишь отдаленно напоминающие людей. Башня с легкостью повернулась и, издав низкий гудящий звук, от которого задребезжали стекла во всех окружающих домах, выплюнула энергетический шар, испепеливший разом несколько десятков людей вместе с автомобилями — все эти бедолаги судорожно пытались выбраться из опасного места, но слишком жалели своих четырехколесных друзей. Взрыкнув мотором, тридцатьчетверка расплющила припаркованный внедорожник, разможив вместе с ним и владельца, а следом пушка вновь засветилась и, развернувшись, испепелила постамент, взрывом превращая гранитную облицовку в подобие осколочной гранаты — острые куски породы впились в тела тех, кто не успел уйти далеко, а маленький Павел, вжавшись вместе с мамой в землю под лавкой, тихо скулил от ужаса и боли из-за попавших в него мелких кусочков, мечтая о том, чтобы все побыстрее кончилось.